

уже заключается предположение, что предмет есть нечто самостоятельное, независимое от многообразия своих качеств. Положим, что в самом деле каждый предмет кроме и вне многообразных своих качеств имеет действительно совершенно самостоятельное существование, *чистое и простое отношение к себе*, так что, *единый и нераздельный* в этом чистом отношении к себе, он *много различен* только в отношении к познающему субъекту. Например, соль, единая и себе равная по своей сущности, становится многообразной в отношении к пяти чувствам человека: она *бела* для моего зрения, *солена* для моего вкуса и так далее. Но если многообразие качеств предмета составляет его *несущественную* сторону, сторону его случайного отношения ко мне, *сущность* же его состоит в себе равном и безразличном единстве и отношении к себе, то предметы перестают быть друг от друга различными, и за место *многих различных* предметов мы имеем только *один* предмет, потому что всякий предмет есть *чистое, безразличное отношение к себе и нераздельное единство с собой и только многообразием качеств отличается один предмет от другого*. Вследствие этого качества составляют существенную принадлежность, *сущность* самого предмета, так что вне их он превращается в *ничто*. Если ж в качествах заключается вся сущность, вся самостоятельная исключительность предмета, то они должны быть поэтому с ним неразрывно связаны и составлять его *исключительную* принадлежность. Но мы видели выше, что качества не ограничиваются исключительным единством одного предмета, но, как *всеобщие определенности* распространяются на много предметов, и сущность, исключительная самостоятельность предметов разрешается и разрушается во *всеобщности* их определенностей, их качеств. Кроме этого, сами качества, отрешившись от своего единства с предметом, перестают быть чувственными. Я могу ощущать белизну этого перед мной лежащего сахара, но не *белизну вообще*, которая точно так же недоступна моему чувственному созерцанию, как и всеобщий предмет наблюдения, например, дерево вообще. Таким образом, качества, прежде явившиеся нам как *чувственные*, осязаемые определенности, являются теперь как *чистые и сверхчувственные* всеобщности, в которых улетучивается и последний след чувственности. Когда мы говорим: *этот дуб растет*, то мы видим в *растительности чувственное, осязаемое качество именно этого дуба*; но трава также *растет*, собака также – *растительность* из чувственного, созерцаемого качества превращается в сверхчувственную всеобщность и становится сверхчувственным и всеобщим предикатом (сказуемым) организма вообще, *неизменяемым законом* органической жизни, невидимым и неосязаемым для чувственного созерцания и происшедшим для сознания только через *отвлечение* от многообразия внешнего, чувственного мира. Таким образом, отправляясь от многообразия чувственного мира, сознание возвышается до незримого, всеобщего и бесконечного внутреннего мира, заключающего в себе *существенное многообразие всеобщих законов*, проявляющихся во внешности, и полагает его как *существенное* в противоположность внешнему, изменяющемуся миру, который излагается им до ничтожного и преходящего явления внутреннего. Сознание, имеющее предметом внутренний мир всеобщих и неизменяемых законов, есть *рассудок* (Verstand).

Итак, мы возвратились теперь к последнему результату всего нашего исследования. Сначала мы рассмотрели все степени познающего Духа, начиная от чувственного сознания до теоретического знания, оказавшегося неспособным к удовлетворению главного требования познающего Духа, не имеющего в себе ни органического единства, ни необходимости и указывающего за себя на высшую степень познания – на философию. Потом мы повторили все нами сказанное в первой половине нашей статьи, для того чтоб показать, что результат нашего исследования не есть только субъективный и односторонний результат нашего индивидуального мнения, но объективный, т. е. необходимый, результат развивающегося сознания, проходящего все эти степени как необходимые степени своего развития и отрицающего их, наконец, наивысшей степени, на степени всеобщего отвлеченного рассудка, на котором, впрочем, оно не останавливается; рассудок собственным диалектическим движением своим возвышается до разума и отрицает себя в нем как в сфере абсолютного, истинного знания. Этот переход рассудка в разум будет теперь особенным предметом нашего исследования.

Познающее сознание развилось теперь до такой степени, что чувственное, преходящее явление перестало быть для него истиной. Оно ищет истины во *внутреннем, неизменяемом мире законов*, в законах как физического, так и духовного мира: механики, физики, химии, физиологии, антропологии, психологии, права, эстетики, истории и т. д.

Внешнее проявление законов, чувственный мир явлений, беспрестанно изменяется, проходит, беспрестанно осуществляет свое собственное ничтожество: и познающее сознание возвышается над приходящуюся внешностью в *непреходящий* внутренний мир. Но этот внутренний мир не безразличен;